

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Доклады

Российские ресурсы soft power: история и современность

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ

Брянник Надежда Васильевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
департамент философии,
кафедра онтологии и теории познания,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: vastas07@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается, что данное понятие не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

Ключевые слова:

soft power, трактовки концепта «мягкой силы», внешняя политика, «цветные революции».

Несмотря на то, что словосочетание «мягкая сила» вошло в оборот недавно, вокруг него выстраиваются различные концепты и интерпретации; оно имеет строгий и расширительный смыслы и становится стержнем новомодных политических теорий и практик. Именно политические практики в первую очередь и представляют для нас интерес. С одной стороны, реальная политика – единственный объект, доступный анализу дилетанта в политической сфере, а с другой – сколь бы теоретически нагруженным ни был данный концепт, его истоки все-таки находятся в живой политике.

Политические реалии сближают профессионала и дилетанта – ведь на уровне интуиций также можно достичь взаимопонимания, как и при оперировании строгими смыслами используемых понятий.

Современные события у всякого интересующегося политикой формируют устойчивую интуицию того, что собой представляет «мягкая сила», создавая стойкое ощущение того, что она не отделена непроходимой стеной от того, что называется «жесткой силой». Понятие «сила», какой бы она ни была, означает элемент принуждения, навязывания, стремления к господству,

Конференц-зал

подавления и подчинения субъекту политики объекта воздействия. В *человеческом* сообществе понятие силы как источника воздействия имеет свое предельное выражение в феномене военной силы. Шлейф возможного, таящегося в мягкой силе, не исключает и состояния войны – скорее, в скрытой форме мягкая сила как раз и включает в себя данное состояние. Тем более что современная цивилизация сотворила столь разнообразные виды войны – от вооруженных до информационно-сетевых противостояний и столкновений, – что есть в них место и связанным с мягкой силой.

При рассмотрении мягкой силы особый интерес представляют *права человека* – сегодня становится все более очевидным, что права человека являются мощным рычагом и регулятором в международной политике. В исследованиях по мягкой силе права человека безоговорочно рассматриваются в качестве ее важнейшего средства; и нередко именно права человека приводят в качестве примера использования мягкой силы. Вместе с тем, права человека (их нарушение) становятся благовидным предлогом и главным аргументом для ведения военных действий, введения политико-экономических санкций и пр. Только последние два десятилетия дают массу тому подтверждений – Ирак, Сирия, Ливия, Украина и мн. др. регионы. В случае с Украиной мы стали свидетелями того, как поспешно сдавал свои президентские полномочия В.Ф. Янукович, дабы не нарушить права на свободу волеизъявления («вромайдановцев»).

Права человека как инструмент мягкой силы одновременно демонстрируют нам способность трансформироваться в жесткую силу. Та же Украина явила яркий пример того, как политические силы, незаконно захватившие власть у законно избранного президента (еще в тот момент, когда сами не получили никакой легитимации), вооруженным путем решили пресечь право на свободу волеизъявления (референдумы юго-восточных регионов признаны незаконными) и даже право на родной язык. Оказывается, права человека – это такой инструмент, который позволяет в одной и той же стране, в одно и то же время, одни и те же прин-

ципы, то признавать – то отрицать. Согласно формальной логике, это означает противоречивость (путаницу) в поведении, не допустимую с точки зрения здравого смысла, проще говоря, лицемерие. А с политической точки зрения, это сегодня квалифицируется как «политика двойных стандартов».

Политика двойных стандартов, спекулирующая на правах человека, маскирующая геополитические и экономические интересы под вывеской данного инструмента мягкой силы, раньше или позже оборачивается «цветными» революциями, гражданскими войнами, вооруженными конфликтами и пр.

В этой связи возникает ряд вопросов. *Первый круг вопросов:* Права человека по своей *природе* имеют «лицевую» сторону и «изнанку»? Подаваемые как мягкая сила они *неизбежно* трансформируются в жесткую или военную силу? А, может быть, ситуация последних десятилетий является исключением? *Второй круг:* Права человека – это *декларативная* юридико-политическая категория и ее место лишь в *риторической* обойме политических деятелей? А может быть они являют собой *реально значимый* политико-юридический инструмент, который для своего функционирования требует особых условий и обстоятельств? Тогда что собой представляют эти особые условия и обстоятельства?

Но есть и более *фундаментальный вопрос*, от которого производны вышеприведенные. Суть его можно сформулировать так: когда и как права человека обрели статус регулятора международных отношений, и чем обосновывается *универсальный* характер прав человека?

Даже фрагментарный, не систематический, поиск ответа на поставленные вопросы приводит к довольно любопытной картине.

Заложившая основы западноевропейской цивилизации античная культура руководствовалась в государственных и межгосударственных отношениях ценностями, близкими по своему духу тому, что сегодня мы связываем с правами человека. В разных контекстах характеристике данных ценностей можно обнаружить у европейских мыслителей различных эпох. Так, Цицерон высшей ценностью считает спо-

Конференц-зал

способность людей жить совместно, не разрушая человеческого общежития, но это становится невозможным, «если все мы будем охвачены стремлением грабить ближнего ради своей выгоды и нарушать его интересы, что неминуемо приведет к распаду того, что в высшей степени сообразно с природой, – человеческого общества» [10, с. 129]. Итак, соблюдение интересов частного лица – залог сохранения того или иного сообщества, а совместное существование отвечает самой природе человека.

Уже в этот период защита интересов граждан не остается на уровне благих пожеланий, а обретает правовую форму. У Цицерона это выражено так: «... первая задача справедливости – в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием» [10, с. 63]. При этом он дает такие пояснения: «Противозакония часто совершаются в связи... с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение «Высший закон – высшее противозаконие» уже стало избитой поговоркой» [10, с. 66]. И здесь возникают ассоциации с современным положением дел: когда во имя (а точнее, под прикрытием) прав человека, которые лежат в основе как международного права, так и конституций суверенных государств, нередко творится высшее беззаконие – убийство детей, мирных жителей и мн. др. По-видимому, не случайно он обращает внимание на то, что часто «печальная действительность скрашивалась мягкостью слова» [10, с. 67]. «Мягкая сила» и «мягкость слова» – словосочетания близкие по смыслу, поскольку им противопоставляется «жесткая сила» и «противозаконие» [10, с. 67]. Уже тогда, осознавая динамику «мягкости» и «жесткости» в сфере политики, Цицерон предостерегает: «Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны» [10, с. 67].

В межгосударственных отношениях и тогда были претенденты на статус исключительного положения, что являлось оправданием для того, чтобы вершить судьбы других государств в диапазоне от мягкой до жесткой силы, взятой в самом крайнем ее проявлении, – до использования «права войны». Так, на раннем

этапе Античности на исключительный статус претендовали Афины. В «Истории» Фукидида в «Надгробной речи Перикла» это озвучено таким образом: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо <...>. Город наш – школа всей Эллады... То, что мое утверждение – не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу» [9, с. 7–9].

И это достаточно распространенная оценка, которая воспроизводится из столетия в столетие. В XIX ст. в оценках известного английского историка культуры Д. Грота в «Истории Греции», где он пытается объяснить причины возвышения и падения Афин, в пользу этого приводятся такие аргументы: «В политической истории Греции Афинское государство есть самое замечательное из всех явлений... Никакое греческое государство, кроме Афин, не было способно ни организовать такую систему, ни удержать такое множество маленьких общин в состоянии хотя неполного, но правильного, постоянного и целесообразного единства, в особенности при стремлении к политической отдельности» [3, с. 17].

Нас в данном случае интересует не сама по себе история Греции, а межгосударственные связи, влияющие на характер отношений к людям – именно это позволяет судить о том, как складывалось то, что мы сегодня называем правами человека. И подобного рода информация есть. У того же Грота, при постоянных восторженных восклицаниях в адрес Афин, мы находим следующее: «Кровопролития... дают повод упрекнуть афинян в недостатке человеколюбия... Но эти жестокости не имели заметного влияния на падение могущества Афин, хотя в позднейшие времена многие... указывали на них, как на причины падения Афинской республики» [3, с. 16]. А вот еще одна оценка, которая проясняет важные для нас вопросы о том, чем поддерживались межгосударственные взаимоотношения и какое влияние

Конференц-зал

они оказывали непосредственно на жителей тесно связанных между собой государств: «владычество Афин не было так тяжело... для подданных... Афинское владычество, если оно не внушало особенной преданности к себе большей части граждан подчинившихся ему общин, конечно, также не возбуждало в них всеобщей вражды... Если в качестве преобладающей общины Афинская республика требовала от прочих повиновения, зато она свято исполняла относительно них свои обязанности... И даже если бы афиняне были в высшей степени расположены стеснить свободу мысли и действий в гражданах подчиненных им общин,.. то само существование у них демократического правления с открытым противоборством партий, всеобщую свободу речи и самым разносторонним проявлением энергии в отдельных лицах... возбуждало бы склонность к подобным учреждениям и в подчиненных общинах даже против желания афинян» [3, с. 17–18].

Межгосударственные сношения в рассматриваемую эпоху также были связаны с определенными объединениями, союзами и основывались на договорах. Так, приморские города Эгейского моря и его острова были связаны Делосским союзом, в котором господствующую роль играли Афины. Этот союз позволял избегать иноземного вмешательства. Описание данного договора дает представление о «мягкой силе» времен Античности: «С самого начала этот союз имел характер договора, неразрывно связывающего каждую из общин со всеми остальными. Ни одна из них не имела права ни отделиться от союза, ни отказаться от доставления контингента, назначенного общим собранием, ни принять какие-либо особые меры, несогласные с обязанностями, принятыми относительно союза» [3, с. 11–12]. Нет смысла проводить какие-либо параллели с современным положением дел, со способами соподчинения участников различных союзов и коалиций – они очевидны.

Подводя итог экскурсу в Античность в связи с «мягкой силой» и «правами человека», можно отметить, что там закладывается *прототип* того, что является отличительной чертой современной европейской цивилизации.

Но в прямом смысле слова о правах человека в этот период говорить не приходится. Это отмечают свидетели становления данного феномена в к. XVIII – первой пол. XIX ст. Так, французский писатель и публицист Б. Констан, с одной стороны, отмечает: «Свобода, явившаяся в конце прошлого века, была свободой, заимствованной у античных республик» [7, с. 211], но, с другой, для него очевидно: «то, что мы называем гражданской свободой, большинству античных народов было неизвестно. Все греческие республики за исключением Афин подчиняли индивида почти неограниченной власти общества. То же индивидуальное подчинение мы видим и в Риме в лучшие времена его истории: там граждане были в некоторой степени рабами народа» [7, с. 212].

Гражданская свобода как основа основ прав человека не была признана не только в Античности (и Афины вряд ли здесь являются исключением), но вплоть до XVII–VIII вв. Философское обоснование подобному положению дел дает М. Хайдеггер (и не только он), утверждая, что только в Новое время человек впервые в истории становится субъектом. Это означает, что с этого времени человек занимает господствующее положение в окружающем его мире – он его и творит, и несет за него ответственность.

А что происходит со статусом человека в государственных устройствах нового типа, чем регулируются межгосударственные сношения?

Глубокий и разносторонний мыслитель и политический деятель Германии В.Ф. Гумбольдт, оценивая в данном отношении сложившуюся ситуацию, пишет: «На место системы, которая была рассчитана только на то, чтобы выкачивать из нации как можно больше средств для удовлетворения эгоистического честолюбия и расточительных страстей одного единственного человека, должна придти система, которая имеет своей единственной целью свободу, спокойствие и счастье каждого отдельного человека» [5, с. 185].

Отдельный человек, индивид, становится отправным и одновременно базисным элементом в государственно-правовой системе.

Конференц-зал

«Практическое стремление к свободе личности в церковном, религиозном, интеллектуальном, а также экономическом и... политическом отношении» [8, с. 210], – как считает заявивший о себе еще в дореволюционной юридической науке В.Ф. Тарановский, – оказывается центром политической жизни государств нового типа.

Историки правовой мысли констатируют формирование в эту эпоху международного права в строгом смысле слова, и оно также было тесно связано с идеей прав человека. Здесь не обойти фигуру Г. Гроция, которого считают его основоположником: «Гроций начертал скрижали действительной политической науки... Он вынужден был выйти за пределы национальных кодексов и сектантских интересов и искать принцип, общий для всего человечества... С этого момента... получалось, что люди и народы, несмотря на все различия, могли жить в мире, обеспечиваемом всеобщим правом» [1, с. 403]. Для самого Гроция «право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [6, с. 81–82]. Тем самым, Гроций саму суть права связывает с человеческой природой и сближает его с нравственными требованиями, что свидетельствовало о его естественно-правовом подходе, которому и обязана идея прав человека. В естественно-правовом подходе акцент делается на т.н. неотъемлемых, неотчуждаемых правах человека, которые выражают человеческую свободу во всех ее многообразных жизненных проявлениях, как то: право на жизнь, собственность, неприкосновенность и достоинство личности, свободу совести, мысли, слова, выбирать своих правителей и т.п.

Идеи таких творцов естественно-правовой доктрины, как, например, Д. Локк, Ш.Л. Монтескье, Т. Пейн, Т. Джефферсон, нашли непосредственное воплощение в правовых документах (соответственно, и в государственно-правовой практике), выражающих наиболее значимые достижения в области прав человека – Билль о правах (1689 г.), Конституция США (1787 г.), француз-

ская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) и др. Эти достижения в правовой жизни, наряду с научно-техническими, заложили основы того, что сегодня называют современным типом цивилизации. Поэтому не случайно некоторые современные исследователи (например, С.С. Алексеев, Е.А. Лукашева) оценивают события, произошедшие в правовой жизни в указанный период, как революцию в праве.

«Человеческое право» становится опорой правового мира, считает Гроций, а в подтверждение приведу важное для него положение: «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; <...> Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом... как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [6, с. 83–84].

После двух мировых войн человечество в лице, прежде всего, европейских государств выходит к признанию приоритета прав человека в международных отношениях, что и зафиксировано во «Всеобщей декларации прав человека», принятой в 1948 г. ООН.

Признание международных документов по правам человека конкретными государствами одновременно потребовало введения юридических механизмов и средств, гарантирующих их соблюдение и защиту. Именно в этом смысле «естественное право обретает непосредственное юридико-регулятивное значение» в отношении прав человека, что С.С. Алексеев оценивает как «вторую революцию в праве» [2, с. 469, 474].

Творцы нового типа межгосударственных отношений, выстроенного вокруг прав человека, полагали, что на этом основании во внешней политике станет доминировать мягкая сила. Именно так можно интерпретировать одно из положений Гумбольдта, которое он выдвигает, сравнивая новое конституционное устройство Америки, Англии, Франции и Германии. Он пишет: «Можно лишь навер-

Конференц-зал

няка констатировать... а именно: политическая организация целого составляется из равномерно организованных частей. Только благодаря этому можно... воспрепятствовать тому, чтобы эти части незаконно применяли насилие по отношению друг к другу. Находясь друг с другом в противоречии или... резко разделяясь друг с другом, части целого сливаются в единство, предоставляя личности возможность свободного развития и не слишком затрудняя распоряжение собственностью» [4, с. 196].

Итак, ненасилие, полагающееся на важнейшее средство мягкой силы – права человека, – становится принципом сосуществования европейских государств в новой и новейшей истории.

Остается не проясненным один из заявленных ранее фундаментальных вопросов, а именно: насколько универсальна созданная в Европе в Новое время модель сосуществования?

Любопытные размышления на этот счет можно найти у Гроция, приведем одно из них. Конкретизируя представления о естественном праве он отмечает: «Оно... бывает или правом внутригосударственным, или же правом человеческим в более широком и в более узком смысле по сравнению с внутригосударственным... Право в более широком смысле есть право всех народов или многих из них. Я добавил «многих из них» потому, что, кроме права естественного, называемого также часто правом народов, почти не встречается право, которое было бы обще всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной» [6, с. 87]. Удивляешься тому, насколько глубок и одновременно методологически осторожен был Гроций – он осознает, что обнаруженные им правовые закономерности касаются только известных ему европейских и тесно связанных с ними народов. Международное право – это право народов, понятое именно в этом смысле.

Значит, *международное* право нельзя отождествлять с *общечеловеческим, всемирным*. Но тогда вокруг такой важнейшей ценности *общеевропейского* права, как права человека, нельзя выстраивать внешнюю политику, по-

скольку будет нарушен принцип равенства, о котором писал Гумбольдт – части целого (мирового целого) оказываются не равными: одна часть навязывает свои ценности всему миру. А это, по оценке Гумбольдта, насилие. Выходит, права человека, выстраданные долгой историей европейского человечества, превращаются из инструмента мягкой силы в жесткую силу, доходящую до вооруженного подавления государств и регионов, не признающих данную ценность в качестве высшей.

Не вдаваясь в обстоятельное рассмотрение того, а что это за ценности, в которых нет места правам человека, сошлюсь только на один аргумент из исследования О. Шпенглера, в котором проводится сравнительный анализ античного и арабского права. Он считает, что *«античное право – это право, созданное гражданами и для граждан. Оно предполагает... государственную форму полиса. Лишь на основе этой базовой формы общественного существования возникает... понятие личности (персоны) как человека в своей целостности тождественного с телом государства, – и далее он поясняет: единичная личность – это тело, принадлежащее фонду полиса»* [11, с. 61]. Что касается раннеарабского права, то оно является *«правом вероисповедных общин»*, которое базируется на признании одной-единственной истины и обобщается в *«одной юридической личности» – «юридическая личность является коллективным существом, обладающим, как целое, намерениями, принимающим решения и несущим ответственность»* [11, с. 70].

То, что было заложено в правовых истоках европейских и арабских культур, не отменено и сегодня, а получило органическое продолжение, поэтому в современном мире сосуществуют разные правовые системы, родственные или радикально отличающиеся.

Наш общий вывод заключается в том, что политические *стратегии*, каковой на сегодняшний день становится мягкая сила, должны учитывать *глобальные* обстоятельства существования человечества, как в историческом, так и геополитическом масштабе. При таком подходе, я сомневаюсь, что права человека в том их практическом значении, как они сло-

Конференц-зал

жились в новой и новейшей истории, будут бесспорно признаны в качестве инструмента мировой политической системы.

1. Акто́н Д. История свободы в эпоху христианства // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. (Серия «Общественная мысль: исследования и публикации».) – М.: Наука, 1995. 462 с. С. 393–414.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. Грот Д. Из истории Греции // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 11–19.
4. Гумбо́льдт В. Ф. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 184–190.
5. Гумбо́льдт В. Ф. Об учреждении земельных сословных конституций в прусских государствах // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 190–198.
6. История философии права. СПб.: Юридический институт, Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. 640 с.
7. Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 198–249.
8. Тарановский В. Ф. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2000. 553 с.
9. Фукидид. История // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 6–11.
10. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях.

М.: Наука, 1975. 245 с.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

1. Akton D. Istoriya svobody v e'poxu kristianstva // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. (Seriya «Obshhestvennaya mysl': issledovaniya i publikacii».) – M.: Nauka, 1995. 462 s. S. 393–414.
2. Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
3. Grot D. Iz istorii Grecii // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 11–19.
4. Gumbol'dt V. F. Idei konstitucionnogo gosudarstvennogo ustrojstva v svyazi s novoj francuzskoj konstituciej // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 184–190.
5. Gumbol'dt V. F. Ob uchrezhdenii zemel'nyx soslovnyx konstitucij v prusskix gosudarstvax // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 190–198.
6. Istoriya filosofii prava. SPb.: Yuridicheskij institut, Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 1998. 640 s.
7. Konstan B. Ob uzurpacii // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 198–249.
8. Taranovskij V. F. E'nciklopediya prava. SPb.: Lan', 2000. 553 s.
9. Fukidid. Istoriya // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 6–11.
10. Ciceron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah. M.: Nauka, 1975. 245 s.
11. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. M.: Mysl', 1998. 606 s.

HUMAN RIGHTS AS AN INSTRUMENT OF SOFT POWER

Nadezda Vasiliyva Bryanic,

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Ekaterinburg,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor of Ontology and Theory of Knowledge,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vastas07@mail.ru

Annotation

The author is set by a question about that, how and when human rights become the instrument of soft force. An idea is conducted that under a protection of human rights soft force is able to be transformed in rigid force and come to the soldiery conflicts. A thesis is called in a question about human rights as universal regulator of international relations.

Key words:

human rights, soft/rigid force, the status of human, State-to-State relations.
